

НО БОЖЕСТВО МОЕ ПРОГОЛОДАЛОСЬ...

Юрий Башмет во французском посольстве

Независимая газета, — 1998, — 29 апр. — с. 7

Екатерина Бирюкова

В ГОСТИ к французскому послу «Солисты Москвы» приехали прямо из Парижа. Но прежде чем позволить посольским угощениям дополнить неостывшие туристические впечатления, на несколько минут музыканты все-таки почувствовали себя на родной земле. Знаменитая прихожая выложенного изразцами терема на Якиманке, где с 1938 года разместились французы, будто специально придумана для того, чтобы, входя, произносить: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!» Входящий попадает в пурпурно-золотую сказку о боярской старине, которую счел для себя подходящей построивший в конце прошлого века этот дом купец Николай Игумнов. Декорации как будто списаны с «Хованщины»: сводчатые потолки, арочные окна, выступающие балки, почти азиатская роскошь плотно покрывающих стены и

потолок орнаментов. По широкой каменной лестнице шастают призраки и привидения, которыми населен дом в соответствии с имеющимися легендами. По одной из них, Игумнов замуровал в стену своего жилища изменившую ему любовницу. По другой, более достоверной, в национализированном особняке в 20-х годах хранился мозг Ленина. Впрочем, уже в парадной гостиной все средневековые ужасы мгновенно улечиваются, с поразительной кротостью уступая место цивилизованному классицизму. Что поделаешь, эклектика!

Сходной непоследовательностью было отмечено и выступление в этих стенах Башмета и его ансамбля. Программа концерта, завершающего политически грамотный цикл музыкальных вечеров в посольствах стран «большой восьмерки» и Еврокомиссии, была мила, коротка и неприятна: девять миниатюр, каждая из которых могла бы послужить отличным бисом. В хорошо защищенной от городского

шума зале было жарко, но сложно было бы принять это обстоятельство в качестве оправдания того, что смычок и струны не всегда повиновались первому альтисту мира.

После боевого скака григоровской Прелюдии из «Хаберг-сюиты» наступило затишье чудесного брамсовского Adagio, удостоившегося у элитарной публики криков «Браво!» Adagio, где драгоценный тембр солирующего альтя должен неброско поблескивать на фоне парящего оркестра, и впрямь могло бы удачнее других номеров гармонировать с украшающими гостиную гобеленами XVII века, если бы по количеству сольных фальшивых нот оно не вышло в концерте на первое место. Далее следовало Скерцо, с нюансами в котором было столь скудно, что не верилось ни в то, что его написал Шуберт, ни в то, что оркестровое переложение сделал Малер. Потом ради свежего воздуха распорядились открыть двери, и в певучем Andante cantabile Чайковского наконец-то

нашлось место для красивого шепота и любовного бормотания, в которых так силен Башмет. После чего последовал полный провал Девятой мимолетности Прокофьева — все мимо. Бескомпромиссно-слезоточивое Grave чеха Йиржи Бенды никого, конечно, не оставило равнодушным. Миг удачи — мгновенное разрастание и уход оркестрового звука — был пойман в «Вечерней песне» Шумана. И, наконец, победа — кто бы мог подумать, но в изящном окружении лепных амурчиков и золоченой мебели лучше всего прозвучало юношеское хулиганское Скерцо Шостаковича с визжащими глissандо, паровозной моторикой и неожиданными, леденящими, мертвенно-пустынными остановками.

Заключительное вивальдиевское Largo можно было и не играть, а сразу переходить к банкету. А то несовершенство известного на весь мир божественного башметовского звука выдавало, что его обладателю в этот вечер чего-то не хватало.